

По поводу ключевых моментов биографии графини Татьяны Константиновны Толстой (урожденной Шиловской, по первому мужу Котляревской) существует большое количество публикаций, в том числе и в интернете: поверхностных по сути, страшно далеких от действительности и поголовно компилятивных — хотя бы по причине того, что в основе почти всех их лежат исключительно воспоминания Т.А. Аксаковой (Сиверс) «Семейная хроника» (в 2-х частях), изданные в Париже в 1988 году, а не архивные или какие-то другие источники.

Однако, принимая во внимание широкую популярность этих воспоминаний среди настоящих и мнимых поклонников творчества графини, я вольно или невольно вынужден буду, ссылаясь или цитируя, заочно полемизировать с автором по поводу некоторых спорных или требующих разъяснения моментов.

ЧАСТЬ I. ОФИЦИАЛЬНАЯ ВЕРСИЯ

Происхождение. Культурное окружение. Первое замужество

По отцовской линии предки Т.К. Толстой, урожденной Шиловской, вероятно, начиная не только с ее деда, майора Степана Степановича Шиловского (1822–1870), но и с некоторых других его ближних и дальних родственников, принадлежали к числу дворян Тамбовской губернии. Или, по крайней мере, владели на Тамбовщине имениями и крепостными крестьянами. Кроме того, сам Шиловский владел прекрасно обустроенным имением Глебово в Подмоскowie, которое впоследствии перешло по наследству к его детям.

Супругой С.С. Шиловского и бабушкой Татьяны Константиновны была известная в России исполнительница романсов Мария Васильевна Шиловская, урожденная Вердеревская (1825–1879). Их старший сын, Константин Степанович, женившийся на светлейшей княжне Имеретинской Марии Константиновне, и стал отцом Татьяны Константиновны (домашнее прозвище — Тюля) и двух ее братьев — Александра и Владимира.

Отец Тюли, Константин Степанович Шиловский, снискавший у современников славу крайне талантливого и такого же масштаба беспутного человека, был

автором и исполнителем цыганских романсов. Как и его младший брат, дружил с П.И. Чайковским и стал соавтором либретто оперы «Евгений Онегин». Умер, если верить источникам, в 1893 году — в один год со своим младшим братом Владимиром, раньше него на 1–1,5 месяца.

От отца Татьяна Константиновна и ее брат Александр, получивший военное образование, унаследовали музыкальные способности. Другой брат, Владимир, был женат на княжне Елизавете Васильевне Оболенской.

Первым супругом Т.К. Толстой стал Петр Михайлович Котляревский, лейб-гусар гвардии полка Его Величества.

Вот как охарактеризовала этот союз Т.А. Аксакова: «Трудно представить себе людей более разных, чем эти супруги: Татьяна Константиновна, высокая, грузная, спокойная и даже медлительная, с изумительными по красоте и выразительности глазами... не была красивой в полном смысле этого слова, но ей сопутствовало какое-то своеобразное очарование... Пепа Котляревский с виду напоминал игрушечного гусара. Он был невелик ростом, складен фигурой и лицом, не очень умен, очень богат и еще более тщеславен. Из-за своего фанфаронства он умудрился в несколько лет спустить свое состояние на... приемы для офицеров гусарского полка с великим князем Николаем Николаевичем (Романовым-младшим по прозвищу Лукавый. — В.К.) во главе».

Особого единения между супругами Котляревскими никогда не было, а когда из-за нехватки денег кончился вечный праздник, отношения сразу же дали трещину. И как только закончился развод, Тюля обвенчалась с Толстым и переехала на удельную дачу в Быково.

Второе замужество. Гибель Николая Толстого

Новым мужем Татьяны Константиновны стал имевший тамбовские корни граф Николай Алексеевич Толстой. Вот его портрет, созданный вдохновенным пером все той же Т.А. Аксаковой: «Граф Толстой выдающимися способностями не обладал, но не нравиться не мог. Его открытое лицо, облагороженно-монгольского типа, было очень привлекательно. Толстой вырос в степном Борисоглебском уезде Тамбовской губернии, немного занимался хозяйством, много охотился, рано женился, был плохим мужем и хорошим сыном. Материальные дела были далеко не блестящие. Имение Бурнак, где жила старая графиня с младшим сыном Никитой, заложили, пришлось поступить на службу. В 1905 году Николая Толстого назначили управляющим Быковским удельным имением, и он стал бывать на Пречистенском бульваре (где располагалось удельное ведомство. — В.К.). С женой в то время он разошелся, и случайная встреча у нас в доме с Татьяной Константиновной Котляревской изменила ход жизни обоих».

Счастливо начавшаяся совместная жизнь продлилась всего лишь полгода и закончилась, по словам Т.А. Аксаковой, катастрофой: «Новый 1907 год они встречали у себя в Быкове. В гостях у них был брат Татьяны Константиновны Владимир Шиловский, [Степан Сергеевич] Перфильев, двоюродная сестра Толстого Алина Кодынец и его младший брат Никита. Засиделись поздно, хорошо выпили. Крепко уснули. Утром прислуга, растапливая печки, неосторожно плеснула в огонь керосину. Вспыхнул пожар. Прежде всего загорелась лестница, ведущая во второй этаж. Когда хозяева и гости проснулись и поняли, в чем дело, путь вниз был отрезан. Пришлось прыгать через окна... Вдруг Толстой крикнул Шиловскому: “Вовка! У меня под кроватью сундук с казенными деньгами! Надо спасать!” Оба они бросились в горящий дом — и никогда не вернулись. Крыша обрушилась, похоронив под собою шесть человек (погибли Толстой, Шиловский, Перфильев, Алина Кодынец, лакей

и горничная). Живыми остались Татьяна Константиновна и Никита Толстой, спавший в нижнем этаже».

После смерти Толстого Татьяна Константиновна поселилась в небольшой квартирке в Настасьинском переулке (близ Малой Дмитровки). Часть года она проводила в Бурнаке, иногда гостила у своей матери в Петербурге или у великого князя Николая Николаевича в Першине, но с большим удовольствием сидела у себя дома, окруженная собаками и небольшим кругом друзей, среди которых большинство были охотниками, которые свободнее чувствуют себя в поддевке, чем в английском костюме.

В небольшой комнате, сразу из передней, жил вместе со своим приятелем Ваней Пустоваловым Никита Толстой, ставший после окончания гимназии вечным студентом.

К Татьяне Константиновне часто заходили цыгане из Стрельнинского хора вспомнить с нею какой-нибудь старинный напев или спросить совета относительно того или иного аккомпанемента.

Богемный стиль был ей приятен и даже необходим, как питательная среда.

Увлечение охотой

Жизнь в браке с Петром Котляревским способствовала увлечению собаководством и охотой, которому она оставалась верна всю свою жизнь. Петр Михайлович, как отмечалось, служил в одном полку под началом великого князя Николая Николаевича и был дружен с ним. А тот был известен как поклонник и знаток русской псовой охоты.

Но даже после развода с первым супругом и гибели второго мужа Татьяна Константиновна не перестала появляться в имении Першино Тульской губернии.

Имение Першино было приобретено великим князем Николаем Николаевичем Романовым в Алексинском уезде Тульской губернии в 1887 году. Это живописнейшее, расположенное на берегу реки Упы место являлось идеальным для ведения псовой охоты. Вложив немало средств в его развитие и благоустройство, великий князь добился того, что охота стала лучшей в России.

Последние годы жизни. Смерть

Февральская революция на короткий миг показалась очистительной грозой. Но следом за ней на Россию обрушился Октябрьский переворот. Татьяна Толстая с трудом пробирается на Тамбовщину. Там она надеялась спастись от того, что творилось в столицах. Вблизи Бурнака ее ожидало имение, небольшой дом с садом...

Графиня Толстая научилась ходить на охоту. Возвращалась с добычей. «Если

Графиня Т.К. Толстая

бы я не любила охоту и природу, я подошла бы в деревне... Уже имею четыре лисьих шкуры своей охоты», — писала она друзьям в Москву. Что-то ей удавалось выменять на Бурнакском базаре или в уездном Борисоглебске. «На днях у нас в Борисоглебске, — пишет Татьяна Константиновна, — разгромили винный склад — 64 тысячи ведер спирта и водки. Нечаянно подожгли погреба — в огне и в спирту погибло больше 500 человек. Остальные долго продавали по рублю за бутылку, и все кругом пьяно».

По сообщению местной прессы, «пьяный разгул сопровождался беспричинной стрельбой, грабежами, убийствами, погромами и расхищением частновладельческих имений». Лозунг дня гласил: «За одну каплю революционной крови выпустим ушаты крови эксплуататоров и врагов!» В «эксплуататорах и врагах» числились едва ли не все друзья Татьяны Толстой, которые иногда добирались до ее усадьбы из соседних имений, где надеялись спастись от голода и разрухи... В 1919 г. прибился к ней Петр Викторович Лодыженский, друг Рахманинова и Шалапина, муж цыганки Анны Александровой...

Надежды снова попасть в Москву не было никакой. Когда в двух верстах от нее ограбили и убили помещицу Пустовалову, мать одного из самых близких ее друзей... она поняла, что конец приближается. «Не правда ли весело жить под дамкловым мечом? — пишет Татьяна Константиновна в одном из своих последних писем. — К риску быть ограбленной и даже убитой я уже притерпелась...»

В 1921 году вышел указ о сдаче всяческого оружия, за несдачу — расстрел на месте. Когда-то муж привез ей из-за границы женский браунинг и подарил ей. Она и забыла, что незаряженный старый браунинг где-то лежит в столе. Когда к ней в усадьбу нагрянул отряд и спросили ее, есть ли оружие, она сказала: «Нет, можете проверить».

Солдаты стали шарить в комнате и в столе обнаружили злополучный браунинг. Сразу убивать ее не стали, сначала попросили ее попеть. Она пела всю ночь. Но командиры оказались стойкими и не поддались размягчающему воздействию музыки романсов. Утром ехавшая к ней подруга встретила телегу, нагруженную трупами заложников. Татьяну Толстую она узнала по руке, которая свешивалась с телеги.

ЧАСТЬ II. ОТ ФАНТАЗИЙ К ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Борисоглебский уезд и Сукмановская волость в 1917–1918 гг.

Прибытие в Сукмановскую волость Борисоглебского уезда не принесло графине ожидаемого покоя. Однако здесь она провела последние годы своей жизни. О подробностях известно не так уж много.

Также мало кому известно, что даже после октября 1917-го влияние большевиков в Тамбовской губернии было минимальным, ибо поддержки широких народных масс они здесь не имели. Бал правили эсеры. И вплоть до конца декабря 1917 года проводились заседания Борисоглебского уездного земского собрания. Речи, произнесенные по поводу сложившейся в России ситуации, потрясают воображение глубиной и объективностью. Некоторые из них следует отнести к ряду пророческих!

Но разгул бандитизма и погромы, как и по всей России, здесь также имели место.

В соответствии с далеко не полной статистикой преступлений, в Борисоглебском уезде только в течение октября-декабря 1917 года произошло 17 краж со взломом, 31 вооруженный грабеж, 23 убийства с кражами и 34 «обыкновенных» кражи. Тогда как раньше «обычная цифра убийств — 10–12 в год». Бывали случаи,

«как в Мучкапе, когда вырезывали семью в 9 человек». Общая сумма украденного и награбленного превысила 200 тысяч рублей.

Конфискация же помещичьих имений на территории современного Жердевского района началась в конце зимы — начале весны 1918 года. Значительная часть их стала собственностью «победившего народа», а по большому счету они были разграблены. Вероятно, не избежало этой участи и имение Толстых.

Следует также помнить, что трудности у землевладельцев начались еще при Временном правительстве, примерно с середины — второй половины 1917 года, когда резко активизировались земельные и продовольственные комитеты, поэтому все валить на большевиков бессмысленно. Но к тому времени многие дворяне всяческими способами избавились от земли.

В списке владельцев земли Сукмановской волости за 1918 год упоминается множество имен, однако фамилия графини в нем не значится. Ведь она еще в первой половине 1917-го успела продать часть земли туголуковскому крестьянину С.И. Комбарову, получившему в банке ссуду. И он не был единственным ее покупателем! Большая часть земли оказалась в руках «Туголуковско-Чикаревского, 33 домохозяев товарищества», получившего ссуду на приобретение 528 дес. 1925 кв. сажен.

Всю эту землю в конце августа 1913 года графиня Анастасия Толстая (свекровь) вместе с сыном Никитой пытались продать этому же обществу самостоятельно, но в итоге землю с публичных торгов приобрела ее сноха Татьяна Константиновна, которая впоследствии этому же товариществу ее и продала. Но уже единолично за 156516 рублей!

Во владение земель упомянутое товарищество вступило 19 августа 1915 года.

Пожалуй, стоит добавить, что поверенным во всех делах предприимчивой снохи Толстых выступал дворянин Алексей Викторович Лодыженский, действовавший по доверенности, а Никита Толстой, как выяснилось, заложил Татьяне Константиновне свое недвижимое имущество по закладной крепости, утвержденной старшим нотариусом Тамбовского окружного суда, еще 25 октября 1911 года на сумму 15 тыс. руб. из 12% годовых.

Но самая первая доверенность, выданная на имя Лодыженского, датируется 16 декабря 1909 года и заверена, как и почти все последующие, московским адвокатом Соколовым!

Время на дворе стояло тревожное, смутное, но пока еще не настолько, чтобы жить за счет охоты. К тому же для нее необходимы были средства. Возможно, для большинства дворян и наступили «голодные» времена по сравнению с тем, что они имели на своих столах в недалеком прошлом. Но продуктовый кризис, по крайней мере, в Сукмановской волости Борисоглебского уезда Тамбовской губернии во всей красе еще не проявился. А многочисленные большевистские продотряды, творя беспредел, хлынули в губернию ближе к осени 1918 года.

Обстоятельства смерти графини Т.К. Толстой

Село Сукмановка было одним из центров антоновского восстания (1920–1921) крестьян Тамбовской губернии против большевиков, которое исследователь В.В. Самошкин назвал последней крестьянской войной в истории России. Одной из главных причин восстания стала бесчеловечная политика продразверстки, обрекавшая население губернии на голодную смерть. Из 33 волостей Борисоглебского уезда восстанием было охвачено 27. Его пик пришелся на февраль-март 1921 года.

Не вдаваясь в подробности, подчеркну, что перелом произошел лишь после того, как в сорокадневных боях (конец мая — начало июля 1921 года) были в основном

разгромлены обе антоновские армии. Для этого потребовалось задействовать несколько десятков тысяч бойцов регулярной Красной Армии.

Процедура изъятия повстанцев была четко изложена в дошедшем до нас приказе № 9 уполиткомиссии 3-го боевого участка, изданном 1 июня 1921 года на основании приказа № 26 войскам Тамбовской губернии от 29 мая того же года. Пункт 4-й приказа гласил: «В каждом оккупационном районе изъятие бандитов, их семейств из сел производится в порядке виновности сел». Пункт 8-й требовал: «Никакого митингования, голосования, резолюции на первом сходе не допускать. Прочесть приговор Уполномоченной комиссии или уполиткомиссии и приступать к установлению отсутствующих, выделению бандитов, разоружению, аресту имущества».

В основе обоих упомянутых приказов лежал обнародованный ранее «знаменитый» приказ М.Н. Тухачевского № 130 от 12 мая 1921 года, который требовал от повстанцев немедленного прекращения сопротивления Красной Армии, сдачи оружия и выдачи своих главарей. Одновременно с ним было распространено постановление «О высылке семей и конфискации имущества бандитов».

Как известно, абсолютного результата обнародование приказа № 130 не дало по причине саботирования его в той или иной форме крестьянами, научившимися не только укрывать повстанцев и их имущество, но также уклоняться от общения с представителями власти. Крестьяне, особенно в «злобандитских» селениях, отказывались называть свои имена и фамилии, что лишало возможности составлять списки повстанцев.

Видя, что такое пассивное, но крайне эффективное сопротивление сводит на нет все усилия по исполнению приказа № 130, Полномочная комиссия ВЦИК издала 11 июня, пожалуй, свой самый бесчеловечный приказ № 171. Подписали его председатель Полномочной комиссии ВЦИК В.А. Антонов-Авсеенко, командующий войсками Тамбовской губернии М.Н. Тухачевский, председатель Тамбовского губисполкома А.С. Лавров, секретарь губкома РКП(б) Б.А. Васильев. Отпечатанный тридцатитысячным тиражом, он сразу же сделался достойным гласности.

При этом пять пунктов приказа из семи были расстрельными.

Не сразу поверившее в выполнение таких угроз население вскоре смогло убедиться, что бросать слов на ветер Полномочная комиссия не намерена.

Расстрелы заложников произошли во многих селах и деревнях Тамбовщины. Но самая большая партия заложников за все время подавления антоновского восстания (80 человек) была расстреляна красными в «злобандитском» селе Паревка Кирсановского уезда.

Самый знаменитый по составу, породивший впоследствии множество слухов и легенд, а ныне почти всеми позабытый, но далеко не первый расстрел заложников в Сукмановке произошел в конце первого осеннего месяца. В этом смысле село резко отличается от почти всех подвергшихся оккупации населенных пунктов Тамбовской губернии. Ибо расстрелы заложников в нем состоялись после приостановления 20 июля 1921 года Полномочной комиссией ВЦИК исключительных мер своего приказа № 171 и после проведения 25–28 июля в Тамбове 1-й общепартийской конференции коммунистов войск Тамбовской губернии, на которой М.Н. Тухачевским были подведены итоги борьбы с антоновщиной.

19 сентября 1921 года уполиткомиссия Борисоглебского уезда «ввиду бандитского настроения населения, большого количества оружия, бандитского элемента и отказа выполнения продналога» приняла постановление «об оккупации с применением приказа № 171» не подвергавшихся ранее оккупации следующих 9-ти волостей: Сукмановской, Бурнакской, Русановской, Туголуковской, Уваровской, Верхне-Шибряйской, Подгорненской, Красно-Хуторской, Моисеево-Алабухской.

В действительности расстрелы заложников в некоторых указанных волостях имели место задолго до этой даты.

При большом стечении народа согнанного по этому случаю народа приговор был зачитан жителям Сукмановки в воскресенье, 25 сентября 1921 года: «...Взяты в заложники по Сукмановской волости как антисоветский элемент в количестве 5 человек: 1) Толстая Татьяна Константиновна (графиня). 2) Шаталов Яков Иванов (шпион и укрыватель бандитов). 3) Щербаков Тимофей Михайлов (главарь в поломке ж. д. линии). 4) Калягин Василий Степанов (бывший заводчик, эксплуататор). 5) Алтухов Кондратий Иванов (негодный элемент). Основываясь на материале, данном Сукмановским волревкомом, комиссия постановила: вышеуказанных лиц в количестве пяти человек публично расстрелять ввиду не сдачи оружия населением с. Сукмановка и невыдачи активистского элемента и бандитского имущества в 2-х часовой срок, предложенный комиссией по оккупации Сукмановской волости. Настоящий приговор привести в жизнь немедленно командиру 3-го эскадрона 3-го Приуральского кавполка тов. Шлыкову в 14 часов 20 минут дня 25 сентября 1921 г. на площади с. Сукмановка (место сбора граждан). Подписи комиссии: уполномоченный Уисполкома Удалов; начпобрига 1 Тамбов А. Власов; представитель особого отдела 1 отдельной Тамбовской кавбригады Седов; председатель райревкома и райком(парта) Каширин; бригадный командир 3-го эскадрона 3-го кавполка Шлыков. Настоящая копия с подлинным верна. Секретарь волревкома...» (подпись неразборчива. — В.К.).

К приговору впоследствии был приложен «Акт 1921 года сентября 25 дня»: «Комиссия в составе старшего милиционера по Сукмановской волости тов. Колмакова, члена Сукмановского волревкома тов. Елагина и коменданта 1-й Тамбовской кавбригады тов. Трифонова составила настоящий акт в следующем: сего числа нами был произведен осмотр расстрелянных граждан, при которых оказалось следующее: у гражданина Василия Степанова Калягина одно золотое кольцо и двадцать три тысячи 750 руб.; у Татьяны Константиновны Толстой восемнадцать тысяч пятьсот руб. А потому постановила: вышеозначенное кольцо и деньги передать в распоряжение уполномоченного Политического тов. Удалова. Подписи: Трифонов, Елагин, М. Колмаков. Секретарь...» (подпись неразборчива. — В.К.).

Сохранилась также и расписка, которая собственноручно была дана уполномоченным по оккупации Удаловым комиссии по составлению описи имущества в том, что «от них получено золотое кольцо и 42250 руб. денег с расстрелянных». Вот только помечена она 26 сентября.

Полное имя человека, отдававшего приказ подчиненным, — Родион Федорович Шлыков. Известно, что еще в июле 1921 года он занимал должность помощника командира вышеупомянутого эскадрона и «за бой под селом Воронцово», состоявшийся 7 июля, был награжден орденом Красного Знамени (№ 9736).

Все вышесказанное означает, что заложники были выставлены на всеобщее обозрение в 12 час. 20 мин., а жителей Сукмановки красноармейцы начали «сбирать» на сход около церкви еще раньше. Двухчасовое стояние и многочисленные увещания «политпятайки» успеха не возымели, после чего заложники были хладнокровно расстреляны. С точностью до минуты. И, по-видимому, выстрелами в затылок с расстояния в 5–7 шагов.

Впрочем, если взглянуть пристальней в список заложников, то выяснится, что у большинства жителей волости и невольных «зрителей» они не могли вызвать какого-либо глубокого сочувствия — все вместе или отдельно взяты. Слишком уж много ненависти накопилось у жителей Сукмановки и ее окрестностей к потенциальным жертвам экзекуции. В их глазах приговоренные к смерти были кровопийцами и эксплуататорами.

Тем не менее, на местном уровне сохранилась легенда о том, что вышестоящими органами якобы был отдан приказ об отмене расстрела заложников — по крайней мере, относительно графини Толстой. Но гонец с пакетом по какой-то причи-

не возпал на несколько минут, застав бездыханное тело графини лежавшим на земле неподалеку от церкви без признаков жизни.

Но и это не все! Сохранились воспоминания бывшего жителя села В.К. Полякова (род. 1910 г.), которому на момент расстрела было 11 лет и который видел все своими глазами. Однако он ничего не говорит по поводу женщины; думаю, по причине расстояния, на котором он находился, и возраста. Но в том, что это был тот самый расстрел, сомневаться не приходится. Лакмусовой бумажкой является упоминание о Якове Ивановиче Шаталове. Этот человек был хорошо известен в кругах Тамбовской губернской ЧК.

«Я присутствовал при двух крупных расстрелах. Один раз после разгрома банды Антипова в село приехала так называемая «политпятерка», требовавшая от населения сдачи оружия, которое, безусловно, имелось почти в каждом доме. Оружие сдавалось плохо. «Пятерка» решила проучить село. Созвали сход на площади с восточной стороны церкви, полукольцом к церковной ограде стояла кавалерия — сотни две-три, в три-четыре ряда. Я, как и многие ребята, между ног лошадей проникли вовнутрь этого полукольца и увидели: стоят 5 или 6 человек затылками к ограде, перед ними лицом к лицу стоят пехотинцы с заряженными винтовками. На импровизированной трибуне стоял небольшого роста человек в кожаной тужурке, весь перепоясан ремнями, в сапогах и красных галифе, громко требовал сдачи оружия (наше село считалось бандитским), объявив, что у приговоренных к расстрелу *якобы обнаружено несданное оружие*. Тут же последовала команда о расстреле... Падали расстрелянные каждый по-своему, но один оказался жив (осечка), проживший потом многие годы. Одного из расстрелянных я знал хорошо. Это Яков Иванович Шаталов, хозяин дома, где потом стала почта. После расстрела оратор обратился к собравшимся: «Вы хотите этой крови?» Мужики дружно закричали: «Нет, нет!» — «Она будет, если вы немедленно не сдадите оружие!»

Лично я не верю, что сукмановские мужики восклицали искренно. Ни оружия, ни повстанцев никто не сдал и не выдал. Ведь они (мужики) были живы! А вероятность возмездия со стороны односельчан-антоновцев оставалась чрезвычайно высокой!

Именно по этой причине расстрелы продолжились 26 и 27 сентября. В них в общей сложности были казнены еще 11 человек, включая трех женщин.

Не верю я и в красивую сказку о ночном пении графини под гитару накануне смерти, а также в свидетельство некоей подруги, опознавшей Татьяну Константиновну по руке, свесившейся из телеги с расстрелянными заложниками. Ибо документального подтверждения этим слухам нет. Единственным настораживающим моментом является прозвучавшая с обеих сторон фраза о якобы несданном оружии. Даже если и так, то который из мужей, а главное, когда подарил ей злополучный браунинг? А может быть, это было банальным сведением счетов или, как говорят сейчас, подставой?

Возможно, доля истины в этом и есть. Однако замечу, что список из 28 фамилий заложников, в котором значился Я.И. Шаталов, был составлен еще 4 августа. Но расстреляли 5 августа 1921 года совсем других людей — «рангом» ниже, несмотря на то, что его фамилией список открывался. И это более чем за полтора месяца до описываемых событий.

А вот имени графини Толстой мне не удалось обнаружить ни в одном из списков заложников!

Правдой является и то, что на местах уполномоченные вместе с командирами расквартированных воинских частей зачастую действовали по своему усмотрению, не отчитываясь перед вышестоящими органами и не сообщая им о произведенных расстрелах. По этой причине точное количество расстрелянных в губернии

заложников неизвестно и поныне. В выписке из доклада Борисоглебского уездного политбюро за сентябрь 1921 года о произведенном в Сукмановке расстреле заложников сведений не содержится.

Касательно указа 1921 года, на который голословно ссылаются не в меру ретивые поклонники творчества графини, никогда не работавшие в архивах, могу сказать, что, во-первых, никакие указы в то время не издавались, а во-вторых, это был приказ, далеко не единственный по счету на эту тему, изданный уездными властями, предпринимавшими малоуспешные попытки уменьшить количество находившегося на руках гражданского населения оружия. Борисоглебский уездный революционный комитет еще 2 февраля 1921 года издал приказ из 4-х пунктов, предписывавший партийным и ответственным работникам, административным учреждениям «в трехдневный срок зарегистрировать оружие», остальным гражданам уезда «сдать в семидневный срок». Особо подчеркивалось, что «все, не исполнившие настоящий приказ, будут беспощадно расстреливаться». Можно подумать, что население, вынужденное защищаться самостоятельно от множества угроз, бросилось его немедленно исполнять...

И в заключение еще об одном моменте. О месте упокоения графини. Как человек, достаточно долго изучающий антоновское восстание на микроуровне, не смею утверждать, что в абсолютном большинстве случаев трупы расстрелянных заложников возвращали для погребения родственникам. Зачастую родственники расстрелянных сами «изымались» из общества и оказывались в концлагерях. При этом численность их постоянно менялась.

Что же касается тела графини, то я полагаю, что по причине отсутствия родственников оно могло быть похоронено на местном (Сукмановском) кладбище в безымянной могиле или же в Бурнаке. Подчеркиваю, что это всего лишь версия. Ибо по свидетельству все того же В.К. Полякова многочисленные трупы заложников, расстрелянных во время прохождения через село конницы генерала К.К. Мамонтова 14 августа 1919 года, были сожжены в овраге.

Могли «победители» и просто прикопать трупы где-нибудь в чистом поле на скорую руку, не утруждая себя и не мучаясь угрызениями совести.

А закончить повествование о судьбе графини Т.К. Толстой я хочу ее собственными словами, слегка вырванными из контекста, но оказавшимися пророческими: «Завеса спущена! Не надо притворяться! / Окончен жизни путь, бесцельный и пустой! / Нет сил надеяться, нет сил сопротивляться, / Настал расплаты час с бездушной судьбой!»

